

НА РУБЕЖЕ ДВУХ КУЛЬТУР

Гоголь - это носитель "средневекового", мистико-аскетического мировоззрения. Гоголь знаменует собой момент пробуждения русского общественного самосознания. Гоголь не начинает нового периода русской литературы, а лишь завершает старый. Гоголь - это родоначальник "новейшей" русской литературы. Гоголь - это художник, творивший инстинктивно, художник, осмеивавший отрицательные стороны жизни не во имя определенных положительных идеалов. Гоголем открывается период принципиально-критического отношения литературы к вопросам действительности.

Таковы исключаящие друг друга взгляды, высказываемые критикой относительно Гоголя и его творчества. Разнообразие этих взглядов вполне понятно и естественно: критика имеет дело с плодами творчества писателя, отличающегося редкой по своей сложности душевной организацией [1].

По собственным признаниям Гоголя, его душевный мир служил ареной игры самых противоположных, исключаящих друг друга чувств и настроений, стремлений и аффектов; был жертвой страшной смеси противоречий.

Часть этих противоречий, как доказывает психиатрический анализ, произведенный д-ром Баженовым [2], должна быть отнесена на счет психического недуга, владевшего Гоголем. Другая часть противоречий имеет социальное происхождение, должна быть объяснена из условий той общественной среды, в которой рос и развивался талант Гоголя. Эти противоречия были противоречиями самой общественной жизни Гоголя. Гениальный художник - сын "переходной эпохи", он стоял перед лицом двух поколений интеллигенции, перед лицом двух различных культур. На его глазах происходила смена двух общественных мирозерцаний.

Тогда в первый раз в истории XIX века, долгое время затерянной в среде чисто дворянской интеллигенции, начал заявлять о своем существовании "разночинец". Правда, до эпохи выступления "разночинца" en masse [*массово (фр.)*], на историческую авансцену было еще далеко. Но "разночинец" "николаевской эпохи" уже заявлял о своем существовании громко и решительно. Он уже предлагал определенную культурную программу, определенный кодекс идей и моральных требований. Романтическому миропониманию, усвоенному интеллигентами "александровской эпохи", он противопоставлял трезво-реалистический взгляд на действительность; культу чувства - культ разума; апофеозу героев-титанов и презрению к "толпе" - апофеоз "обыкновенного человека", человека "толпы"; эпикурейско-эстетическому индивидуализму - теорию разумного эгоизма; жажде нечеловечески великих подвигов - служение практическим интересам; пессимистическому отрицанию прогресса - веру в естественное поступательное развитие человеческого общества; изображению мук и томления личности, угнетаемой "враждебной судьбой", - изображению "широко несущейся жизни".

К концу сороковых годов интеллигенту-"разночинцу" "николаевской эпохи" удалось достигнуть очень крупных успехов. Предложенная им программа была признана программой передовой интеллигенции. Интеллигенты-дворяне приняли profession de foi [*Исповедание веры*] "разночинца". Создан был ряд художественных образов, олицетворявших идеалы последнего. В ряде публицистических и философских трактатов было оформлено и обосновано его общественное и этическое мирозерцание. Тогда Белинский ярко освещал явления текущей жизни и литературы с точки зрения необыкновенно-последовательного и трезвого "реализма". Тогда на страницах "Современника" Искандер [3] развивал теорию разумного эгоизма. На страницах того же журнала Никитенко [4] горячо доказывал необходимость "практической работы" и "положительного", не метафизического понимания действительности. Идеал прямолинейного практического дельца изображал Гончаров в лице фабриканта Петра Адуева [5]. Дружинин [6] обрисовывал несколько другой тип человека трезвых взглядов на жизнь и активной энергии - бюрократа Сакса (в известной повести "Поленька Сакс").

Но прямолинейность интеллигентов "николаевской эпохи" не граничила с той прямолинейностью, которую "разночинец" обнаружил впоследствии, в эпоху шестидесятых годов. Отвергнутая "разночинцами" "николаевской эпохи" романтическая культура все-таки продолжала сохранять над последними некоторую власть. "Реалисты", зачастую бессознательно, продолжали принимать те или другие из предпосылок "романтического" мирозерцания. Даже наиболее прямолинейные из них не доводили своих выводов до конца, не договаривали заключительного слова. И потому в каждом из них можно отметить признаки более или менее явно выраженной внутренней раздвоенности. Достаточно вспомнить примеры Гончарова и Герцена.

Но то было, повторяем, на закате сороковых годов, в момент довольно решительного торжества "разночинского" мирозерцания. А что должно было происходить в первый момент "столкновения двух мирозерцаний", ранней "встречи" двух общественных течений? Какой тип писателя должен был